

Л. Н. Виноградова

Синонимические ряды прогностических знаков со значением *брак/безбрачие* и *жизнь/смерть* (по данным гаданий и подблюдных песен)

Синонимика символов (знаков, «слов») вербального, реального (предметного) и акционального языка (кода), как и языковая синонимика, не является абсолютной, а как бы стилистически и обрядово-магически обусловленной, ритуально окрашенной, крайне редко нейтральной.

Н.И. Толстой

Эпиграфом к настоящей статье служит цитата из работы Никиты Ильича «Язык и культура» (Толстой 1995: 23), в которой высказывается мысль о том, что в разных культурных кодах одни и те же знаки-символы могут выстраиваться либо в синонимические, либо в антитетические ряды, в зависимости от разных ситуативных контекстов или при смене прагматических установок. Многочисленные конкретные примеры такой «обратной перспективы», т. е. смены традиционной оценки на противоположную, приводятся на сербском материале в другой его статье: «О природе связей бинарных противопоставлений типа *правый/левый, мужской/женский*» (Толстой 1987: 169–183). В ней убедительно показано, что семантические оппозиции в народной культуре напрямую связаны с категорией оценки, т. е. один из членов оппозиции, как правило, наделяется положительным значением, а другой — отрицательным. Именно оценочная окраска этих элементов противопоставления создает условия, при которых они могут приравняться друг к другу или символически отождествляться (становятся синонимами). Имеются в виду примеры, когда признаки *мужской/женский* коррелируют с признаками *правый/левый, верхний/нижний* и т. п. Если в качестве осевой связи признать в качестве главного признак «хороший–плохой», то образуется в смысловом отношении довольно компактное семантическое поле: *хороший/плохой, правый/левый, мужской/женский, восточный/западный* и под. Но нередко встречаются ситуации, в которых эти члены оппозиций наделяются содержанием, противоположным тому, которое фиксируется в культуре как универсальное и общепризнанное (Толстой 1987: 170, 181). Подобный механизм смены

«плюса» на «минус» при оценке одного и того же прогностического знака представлен во многих вариантах гаданий о *замужестве/девичестве* и о *жизни/смерти*.

Специалисты не раз отмечали отличительные свойства прогностических текстов (снотолкований, гаданий, примет, предсказаний), для которых особенно характерны механизмы выстраивания синонимических рядов — многообразных знаков, объединенных общим значением («к добру» — «не к добру»). Один и тот же символический образ может выступать как позитивный прогноз в самых разных по тематике гадательных ритуалах, т. е. служит предвестием: и удачи в делах, и приумножения домашней живности, и счастливого брака, и здоровья. Например, в гаданиях по звукам, если в ответ на провокационный шум гадающего (битье в стены хлева, окликание животных) слышны ответные звуки (голоса, топот, возня), то это сулит: свадьбу для неженатой молодежи; продление жизни для женатых; приплод живности в хозяйстве для пожилых хозяев; медоносный год для пчеловодов и т. п.; тогда как отсутствие акустического отклика, молчание — оценивается как негативный знак (прогноз смерти, неудачи в замужестве, неурожая). Или в другом типе гаданий, если подбрасываемые вверх предметы остаются наверху (пучки соломы цепляются на потолочной балке, венки застревают среди веток на дереве, подброшенный предмет остается на крыше дома), то это знак удачи, продления жизни, замужества; если же падают на землю — это негативный прогноз; т. е. актуализируется противопоставление *верх/низ*. При сплавлении по воде гадательных предметов (булочек, венков, зажженных свечей) беспрепятственное движение вниз по течению означает замужество и продление жизни, а их остановка, причаливание к берегу, погружение на дно — знак беды, одиночества, смерти; т. е. общее значение «к добру» или «не к добру» соотносится с признаком: *движение/остановка*. Зацветшая к определенному сроку поставленная в воду ветка фруктового дерева является символом удачи, продления жизни, счастливого брака, а засохшая рассматривается как негативный прогноз.

Однако в ряде случаев один и тот же прогностический знак может символизировать то «благо», то «беду», в зависимости от разных адресатов гадательных текстов (молодые — старые участники гаданий) либо от разной трактовки знака в разных региональных традициях. Например, в словацких Низких Татрах на Рождество девушка выносила первый испеченный блин и оставляла его во дворе у внешнего угла дома; утром проверяла: если он исчез, это было предвестием замужества (Slovensko 1975: 1012). Прямо противоположной была трактовка такого гадания в некоторых селах Полесья: если вы-

несенный девушкой во двор рождественский хлеб исчезал к утру, то это считалось плохим прогнозом, а если хлеб оставался на месте, ожидалась свадьба (ПА, Озерск Ровенской обл.). В схожей ситуации пропавший за ночь кусок хлеба предвещал смерть гадающему (рус. костром., Смирнов 1927: 44).

Такой разброс толковательных формулировок связан с многозначностью прогностического знака, который по законам магического мышления мог соотноситься то с положительно оцениваемой семантикой унесенного кем-то хлеба ('забирать с собой', 'перемещаться в пространстве'), то с негативным значением самого факта его исчезновения. В условиях коллективных гаданий, в которых принимала участие и молодежь, гадающая о свадьбе, и женатые люди, один и тот же прогностический знак по необходимости приобретал разную трактовку. Например, если воткнутая на ночь в рождественскую кутью (каждым из участников гадания) ложка к утру была опрокинута, то для неженатого владельца ложки это было прогнозом женитьбы/замужества, а для женатых — предсказанием смерти. В святочных приметах дым от потушенной свечи, идущий в сторону входной двери, считался для девушки знаком замужества, а для хозяев дома — символом смерти (более подробные данные об этих гаданиях и ссылки на соответствующие источники указаны в работах: Виноградова 1981: 24–32; Валенцова 1995: 209–222).

Таким образом, один и тот же прогностический знак мог оцениваться то положительно (замужество), то отрицательно (смерть). Несомненно, это объясняется глубинными мифологическими связями между мотивами свадьбы и похорон, в основе которых лежит общая семантика «перехода» (из своей семьи в чужую; из своего мира в потусторонний) и смены статуса (женатый/неженатый, живой/мертвый). Но для нашей темы тут важно то, что в зависимости от адресата гаданий один и тот же символ выступает с противоположным значением — *хорошо/плохо*.

Как можно было заметить, в гадательных ритуалах образная система прогностических знаков чаще всего формируется на основе: 1. числовой символики (чет/нечет, парность гадательных предметов); 2. предметной символики жребиев (например, кольцо, венок, цветущая ветка, зерно — символы свадьбы и продления жизни; уголь, земля, песок, пепел, щепка, платок — символы смерти или неудачи в делах); 3. акустических знаков либо их отсутствия; позитивно оцениваемых «живых» звуков (голоса людей и животных, звуки музыки, пения, конной езды) и негативно оцениваемых «неживых» (удары топора, грохот падающих досок, скрип, колокольный звон, треск); 4. наиболее значимыми оказываются

пространственные оппозиции: *верх/низ, восток/запад, внутренний/внешний, движение по воде/остановка* и др. То есть в гаданиях чаще всего актуализируются некие универсальные для символического языка культуры оценочные категории. Яркий пример символизации признака *внутренний/внешний* может быть отмечен в следующих приметах: вытапливание из стен дома наружу смолы-живицы толковалось у русского населения Заонежья как предвестие выхода хозяйских дочерей замуж либо смерти кого-либо из членов семьи; точно так же оценивались и случаи, когда сильным ветром уносило со двора солому (Логинов 1993: 112).

Намного сложнее обстоит дело с механизмами символизации и синонимизации прогностических знаков в фольклорных текстах (в частности, в подблюдных песнях), поэтические образы которых нередко толкуются носителями традиции совершенно по-разному. Трудности с расшифровкой символики фольклорного образа связаны с многозначностью отдельных элементов песенного текста.

Возьмем для примера приведенный А.С. Пушкиным в «Евгении Онегине» текст народной подблюдной песни: «...Из блюда, полного водою, / Выходят кольца чередою; / И вынулось колечко ей / Под песенку старинных дней: / „Там мужички-то всё богаты, / Гребут лопатой серебро, Кому поем, тому добро / И слава!“ Но сулит утраты / Сей песни жалостный напев; / Милей *кошурка* сердцу дев» (Пушкин 1975: 87). В десятом томе собрания сочинений А.С. Пушкина к этому фрагменту дается следующее примечание комментатора: «Первая песня предвещает смерть, вторая — предвестие свадьбы: „Зовет кот кошурку в печурку спать...“» (там же: 165).

На первый взгляд, из суммы представленных в этой подблюдной песне поэтических образов (богатые мужики, серебро-золото, грести лопатой) никак не вытекает негативная символика, соотносимая с предвестием смерти. Скорее ожидалось бы их толкование как предсказание богатства. И действительно, в позднейших фольклорных записях этого текста его символическая трактовка часто бывает связана с предсказанием — «быть богатым». Ср., например, рус. калуж. варианты: «За речкью мужыки багатыи, / Грябуть золота лапатыми, / Чиста серибра лукошками. / Каму выница, таму збудицца» [*к богатству*] (ФКГ 1997: 29); «За рекою мужики богатые / Гребут деньги лопатами. / Кому вынется, скоро сбудется, / Не минется» [*песня означает, что жизнь будет богатая*] (Елеонская 1994: 189). В большинстве вариантов, записанных фольклористами в послепушкинское время, фигурирует устойчивый зачин: «За рекой живут мужики богатые...». В одной из смоленских подблюдных песен упоминаются «горбатые мужики», которые живут «за горой»

и которые «грябнут золота всё лопатаю» [к *богатству*] (СМЭС 2003/1: 676). Вместе с тем в некоторых местных традициях эта же песня в записях XIX–XX вв. служила прогнозом смерти (например: СМЭС 2003/1: 640, 658, 666, 674). Вполне ожидаемо, что представленная в текстах с этим мотивом пара противопоставленных толкований «богатство/смерть» может заменяться другой парой — «брак/смерть», как вариант более общей оппозиции: «хороший/плохой» прогноз. Именно с такой трактовкой мы сталкиваемся в самой ранней публикации анализируемого текста. В четырехтомном «Собрании разных песен» М.Д. Чулкова (1770–1775), а затем в расширенном его переиздании под редакцией Н.И. Новикова (1780–1781) была опубликована подблюдная песня (по-видимому, широко известная в ту пору в Москве), которую мы цитируем по более позднему изданию: «У Спаса в Чигасах за Яузою — Слава! / Живут мужики всё богатые, / Гребут золото всё лопатами, / Чисто серебро лукошками...» [*означает пожилым смерть, а незамужним — вступление в брак*] (Земцовский 1970: 223; ссылка на изданный в Москве в 1831 г. популярный сборник песен под названием: «Святки, или Подарок на Новый год милым девушкам и любезным женщинам, заключающий в себе подблюдные и свадебные песни с объяснением правил святочных игр и с показанием, когда какая песня поется»). Обращает на себя внимание зачин песни, обозначающий конкретный топоним — московское Заяузые в р-не древнего Спасо-Чигасовского монастыря, некогда расположенного на Красном холме за р. Яузой; но для фольклорной символики важно, что это место равнозначно отдаленному мифическому пространству «за рекой».

Итак, в пушкинской трактовке эта подблюдная песня была предвестием смерти; в русских песенниках конца XVIII — нач. XIX в. она же символизировала одновременно и смерть, и замужество, а в позднейших фольклорных записях XX в. — чаще всего богатство. На основе каких же народных верований могла появиться столь явная отрицательная семантика (предвестие смерти) этих песенных образов? Если судить по общей поэтической символике жанра подблюдных песен, к числу мотивов, сигнализирующих о крайне негативном прогнозе, относятся следующие признаки потустороннего мира: «пространство за рекой», «богатство», «серебро/золото», «грести лопатами». Это подтверждается множеством подблюдных песен со значением «предвестие смерти», ср., например: «Ушла коровушка **за реку**, ушла да и не воротилась» [*плохая — что молодому, что старому*] (ВСП 2001: 27, № 78); «**За рекой** коровка в лапти обувается, на чужую сторонку собирается» [*плохая*] (ВСП 2001: 27, № 81); «Скуй, кузнец, **золотой** венец» [*молодому — хорошо, старому — умрёт*] (ВСП 2001: 26, № 53); «Ишли

смерды богатые, гребли **золото** лопатами» [*предвестие смерти*] (Земцовский 1970: 223, № 318); «**Лопатами гребут**, секерами секут» [*к смерти*] (Земцовский 1970: 222, № 317); «Насеками рубят, **лопатами гребут**» [*к смерти*] (ВСП 2001: 34, № 187); «Тупицами [= вид лопаты] рубят, **лопатами гребут**» [*к похоронам*] (ВСП 2001: 28, № 100); «Тупицами не рубят — **лопатами гребут**» [*к смерти*] (ФЭС 1974: 22, № 25). В комментарии одного из информантов по отношению к песне: «Едут мажуки всё багатыи, **грябуть** золото всё **лопатами**» формулируется явная негативная трактовка выражения «гresti лопатами»: *человек умрёт, загребать будут землю* (СМЭС 2003/1: 666). Подобная трактовка мотива «гresti землю» отмечена и в снотолкованиях: сон о разгребании граблями огородных грядок предвещает похороны в семье (СМЭС 2003/2: 10).

Можно предположить, что в пушкинском варианте этой подблюдной песни отражена старая традиция ее негативного толкования; а более поздняя трактовка, связанная с символикой богатства, несет на себе следы переосмысления этих образов в результате разрушения их архаической мифологической семантики.

Чтобы понять и правильно оценить символику гадательных образов в подобных текстах, необходимо учитывать особенности функционирования и прагматики самого жанра подблюдных песен. По наиболее ранним свидетельствам (приведенным в трудах И.П. Сахарова, И.М. Снегирева, А.В. Терещенко), на подблюдные гадания собирались по преимуществу девушки (иногда и парни), руководила ритуалом гадания пожилая женщина, вдова. Соответственно, толковательная часть песенных образов носила чаще всего матримониальный характер. Но по многочисленным данным XIX–XX вв., на эти общесельские коллективные гадания сходились участники из самых разных возрастных групп, часто набивалась полная изба народу, и каждый старался загадать судьбу не только на себя, но и на отсутствующих членов семьи. Люди приносили с собой опознавательные вещицы на себя и своих близких (меченые жребии — кольцо, заколку, булавку, брошку, пуговицу). Ср. свидетельства из Костромской обл.: «...Вот берем блюдечко, пуговицы в него кладем <...>, к нам со всего Пышуга пуговицы дают, это блюдечко полно накладывается; штук по двести бывает. Да! Например, вот вы идете — сколько у вас родня? Считайте: отец, мать, брат, сестра — там на всех стараетесь (ну, уж на маленьких я не ложу). И получается очень много пуговиц» (ВСП 2001: 22). Старшая из женщин закрывала блюдо платком, встряхивала его и затем вынимала жребии наугад под пение песен, закодированный смысл которых служил предвестием будущего для хозяина конкретной вещи. Поскольку существовал

запрет на повторное исполнение одного и того же текста для разных участников гадания, репертуар подблюдных песен по необходимости разрастался в зависимости от числа гадающих: «Песен много было. У нас бабка Марья была, у её девять детей было, так она и на себя клала, и на них. „Ты куда, бабка Марья? И песен не хватит. — А шче это, тебе али жалко?“ И всем хватало [песен]» (ВС 1996: 21). Потребность в большом количестве песен-прогнозов вынуждала использовать в качестве подблюдных самые разные жанры: например, краткие крылатые выражения («Не хочу учиться, а хочу жениться»), загадки («Сидит девка в клетке, коса на поветке», «Стоит корыто другим покрыто», «Оделся не так, обулся не так, заехал в ухаб...»), проклятья («На Новый год сосновый тебе гроб!»), некоторые песенные или сказочные цитаты («Смолотили рожь, урожай хорош. Стали жить-поживать и добра наживать»; «Как у нашего хозяина да две радости: одна — сына женить, друга — дочь отдавать») и т. п.

Порядок следования песен друг за другом в процессе гадания был более или менее произвольным, но соблюдалось правило чередовать так называемые «хорошие» песни (с позитивным значением) и «плохие» (с негативным). Самым многочисленным во всех местных традициях оказывался цикл песен с матримониальной тематикой. Тексты с символикой предстоящей свадьбы причислялись к разряду «хороших», если адресовались неженатой молодежи и детям; причем их позитивный смысл мог относиться к самым разным житейским ситуациям. Например, песня с мотивом «пирогов напеку, в дом гостей позову» означала (кроме замужества) удачу во всех делах; дети-школьники, которым она доставалась при гадании, трактовали ее как положительный ответ на вопрос: «Перейду ли я в следующий класс?» (ВСП 2001: 32, № 152). Однако «свадебные» мотивы песен, выпавших женатым людям и старикам, чаще всего расценивались как предвестие беды (смерти, болезни, разлуки). Трактовка песенных символов могла зависеть от мысленно сформулированного участником гадания своего индивидуального вопроса. Так, текст со словами: «За воротами кони заворочены стоят, сесть да уехать — домой не бывать» — сопровождается следующим комментарием информанта: «Вот если я заветила: „Проживу ли я год“... У нас матери досталась песня эта. Она: „Надька, я умру“ — она плохо болела всё. „Ну, что ты!“ Вот эта песня ей досталась — она того года померла... Это „*коні заворочены*“ — это чтобы везти. А вот я заветила: „Выйду ли я взамуж?“ Да к это приехали, *коні заворочены*, — раньше ведь на лошадях невесту увезут» (ВС 1996: 27, № 91). То есть мотив «запряженных коней» мог трактоваться как ‘отвезти на кладбище’ и как ‘увезти невесту к жениху’.

Таким образом, свадебные мотивы подблюдных песен не рассматриваются как однозначно позитивный прогноз, так как могут символизировать и брак, и смерть. А песенные образы со значением 'безбрачия', как правило, наделяются негативной символикой: сидение в девах, вдовство, бедность, обездоленность. Вместе с тем устойчивая для этой тематической группы текстов формула «еще посижу» («еще полежу», «еще подожду» и т. п.) иногда трактуется как 'продление жизни' — если песня достается женатому человеку. Ср.: «Я на печке сижу, заплатки плачу. / Ещё посижу, ещё поплачу» [*значит, не умрешь*] (ВСП 2001: 30, № 123); т. е. песенный образ со значением 'отсутствие перемен' (в статусе холостой/женатый) приобретает позитивный смысл: 'еще поживу'.

Очевидно, что в связи с утилитарной функцией подблюдных песен (предсказание будущего) их толковательная часть — это важнейшая составляющая всего жанра в целом. К сожалению, при публикации этих текстов в фольклорных сборниках составители иногда полностью опускают толковательные комментарии носителей традиции (ср. КОПС 1981: 105–133). Между тем именно эти пояснительные реплики, трактующие смысл песенного текста, позволяют раскрыть механизмы, на основе которых происходит аксиологическая категоризация тех или иных фольклорных образов и мотивов. Приведу несколько примеров толкования самими исполнителями подблюдных песен:

— «Везут бревно, да на гроб годно». В большинстве случаев эта подблюдная песня прогнозирует смерть, но вот как она трактуется одной из костромских исполнительниц: [*А вот эту все признают хорошей. Потому что гроб увидишь во сне — хорошо*] (ВСП 2001: 33, № 172). То есть по закону «обратной перспективы» негативный образ, увиденный во сне, обозначает позитивный прогноз в реальной жизни; и этот же способ трактовки переносится на подблюдную песню.

— «На паперти два отрока венчающа, золотыми кольцами обменяюща» [*Вот это уже «на паперти», дак это тожо нехорошая. «На паперти» — это они не хорошо. Значит, эта песня уже или к молодым, или к умершим*] (ДКСБ 1997: 79). Здесь информанта пораживает локативная характеристика, связанная с негативным восприятием выражения «сидеть на паперти».

— «Среди пола стою да атласы деру» [*Плохая, бают, а вот поштё? Кабы резать, дак хорошо, а дерут — на покойника. На покойника нельзя стричь, токо драть коленкор-от*] (ВСП 2001: 32, № 153).

В тех случаях, когда фольклорный мотив не вполне ясен для носителей традиции и не имеет общепринятой трактовки, он приобретает множественные варианты самых разных объяснительных сценариев. Например, для смоленской подблюдной песни «Нивка узенька, снопы

частеньки» — фиксируются следующие варианты толковательных моделей, в которых обыгрывается то семантика «узенького», то семантика «частенького», то образ «стоящих в поле снопов»: [*к рождению детей, к многодетной семье*] (СМЭС 2003/1: 665); [*хорошая*] (там же: 684); «Нивка узенька, житца густенька» [*к богатству*] (там же: 669); [*холостому быть*] (там же: 640); «Нивка узкая, снопья частыи» [*помереть — могилки ж на кладбище частенькие*] (там же: 666).

* * *

Итак, в рамках поэтической системы подблюдных песен, с одной стороны, представлены такие образы и мотивы, которые в разных локальных традициях вполне определенно функционируют со знаком «плюс» (например, те, что предсказывают богатство) либо со знаком «минус» (например, предсказывающие смерть и болезни). А с другой стороны, широко известна группа мотивов, каждый из которых может трактоваться прямо противоположным образом: для кого-то — «к добру», для кого-то — «к беде». Выше нами были рассмотрены прогностические знаки акциональных форм гаданий, символизирующие *жизнь/смерть* и *брак/безбрачие*; теперь рассмотрим, какой вид принимают эти же пары противопоставлений в гадательных фольклорных текстах.

К числу наиболее распространенных в жанре подблюдных песен относятся следующие мотивы и образы, **символизирующие смерть** (болезнь):

1. Метафорическое или прямое изображение реалий похоронного обряда. Например: «На Новый год **сосновый гроб**» (ВСП 2001: 25, № 49); «Стоит **корыто** другим накрыто» (Земцовский 1970: 217, № 301, тул.); «...Начал щеплига **доски тесать**, сколотил колоду о **дубовый гроб**» (там же: 218, № 304, перм.); «Под окошком лежит **сунаряженное** да повязанное» (там же: 221, № 313, костром.); «Воткнулась игла во **сыру землю**» [*к смерти, к болезни*] (ВС 1996: 23, № 35). К этой же группе относятся упомянутые выше мотивы «лопатами грести», «секирами сечь», «тупицами рубить» и под.

2. «Езда» (затрудненная, невозвратная); «готовность к отъезду» (сани, лодка, карета, запряженные кони); а также метафорические образы, символизирующие гроб или покойника («бревно», «дерево»), которые везет повозка. Ср. следующие примеры: «Обулся не так, оболослся не так, **заехал** в ухаб — **не выехать** никак» (Земцовский 1970: 216, № 299, новгород.); «**Едут** бояре из города, торчат ноги из короба» (там же: 227, № 332, тул.); «**Везут** бревно на семи лошадях. Если семь не повезут, восьмую подпрягут, далеко **увезут** и **назад не привезут**» (там же: 227, № 333, костром.); «На семи лошадях одно

дерево **везут**» (ВС 1996: 27, № 90); «Конь вороной **везет** гроб дубовой» (там же: 23, № 27); «На шести лошадях по бревну **везут**, на седьмой лошади — домовишке **везут**» (ВСП 2001: 33, № 174); «**Ехали** санки, упали в кювет» (там же: 27, № 73); «Саночки-самокаточки, сесть да **уехать**, домой **не приехать**» (там же: 32, № 156).

3. «Белое полотно, атлас, платок, рушник» (развешивают, стелют, раскатывают, рвут, тянут, моют). Например: «Раскройсь, коробья, раскатысь, **новина!**» (Земцовский 1970: 221, № 312, костром.); «Висят **рушнички** на воротиках. А кто идет, тот ими утирается» (там же: 224, № 321, смолен.); «Полное корыто **платков** намыто» (там же: 217, № 303, костром.); «Сидит Орина на овине. **Полотно дерёт** и домой нейдёт» [*Плохая: дерет полотно, дак на покойника*] (ВСП 2001: 32, № 158); «По лугу хожу, я **пялёны стялю**» [*это к покойнику*] (СМЭС 2003/1: 657); «Ай, висить **рушник** на перекалети, кто ня йдеть — об яго вытирается» [*плакать будешь, нехорошая песня*] (там же: 666).

4. «Птица, влетевшая в дом» (поющая рядом с домом, улетевшая вдаль). Например: «**Птичка** влетит и улетит» (ВСП 2001: 27, № 82); «Села **ворона** на матицу, каркала ворона во всю голову: „В тому дому не быть добру!“» (Земцовский 1970: 219, № 307); «Сидела **ворона** на столбе — очутилась ворона середь избы» (там же: 218, № 305, рязан.); «Сидит **воробышек** на перёгороде. Смотрит воробышек в ту сторону. Куда поглядит — туда и полетит» [*девке — замуж выйти, старухе — помереть*] (ВС 1996: 28, № 95); «Куда лес погнулся, туда **галки** полетели» [*песня предвещает смерть*] (Елеонская 1994: 189).

5. «Обуваться в лапти». Например: «Сидит старуха на печи, **в лапти обувается**, на тот свет собирается» [*Тут понятно. А молодой — дак заболеть, а то и тоже помереть*] (ВСП 2001: 24, № 23); «Кикимора во стоге **обувается**, на тот свет собирается» (ЖС 1997/1: 44, № 22); «Обуй **лапотки**, иди в ельничек» [*к смерти*] (СМЭС 2003/1: 668); «За рекой коровка **в лапти обувается**, на чужую сторонку собирается» [*плохая*] (ВСП 2001: 27, № 81).

6. «Блины», «заплесневевшие блины», неудавшееся тесто. Например: «Идет смерть по улице, несет **блин** на блюдец» [*к смерти*] (Земцовский 1970: 217, № 300, тул.); «На полице **блины** да всё **заплисневели**» [*к хворобе старому, и молодому — неважно*] (ВСП 2001: 26, № 66); «На полице **блины** все **заплисневели**, а в ларю куличи все **заиндевели**» [*не шибко важная*] (там же: 31, № 136); «На печи квашня вся испенилась. Испекла пирог, **избекренилась**. Пирог — одна **закала**, да и **корка отстала**» [*неудача какая-то*] (там же: 31, № 140).

7. «Нехороший» локус. Как предвестие смерти или беды, неудачи часто выступают формулы со значением 'оказаться в пло-

хом месте'. Ср.: «Сидит баба **на кочке**, развесила сосочки» [*сидит хворная — плохо, к болезни*] (ВСП 2001: 25, № 51); «Сидит сироточка **на загнеточке**, печет перепечечки» [*к смерти*] (Земцовский 1970: 220, № 311); «**На столбу** сижу, заплатки плачу. Ещё посижу, ещё поплачу» [*предвещает что-то нехорошее*] (ФКГ 1997: 32, № 21) «**На бочонку** сяжу, сыбачонку скубу» [*дрянная песня, помереть*] (СМЭС 2003/1: 676); «**За дежой** сижу, пятерней вожу» [*плохое житье*] (ФКГ: 33, № 1); «Сидит старушка **под осиночкой**, она грозитя хворостиночкой» [*к смерти*] (Земцовский 1970: 220, № 309); «**На пороге** сяжу, за порог гляжу» [*это к смерти, помрёшь*] (СМЭС 2003/1: 677); «**На пороге** сижу, всё дороги гляжу» [*к смерти*] (там же: 668). Устойчиво негативную трактовку получает примыкающий к этой тематической группе мотив «чужой стороны», хотя он относится к разным по смыслу прогнозам (к смерти, к замужеству в чужое село; к разлуке; к солдатчине): «Сидит воробей под застрехою, глядит воробей на **чужую сторону**» [*к солдатству*] (Земцовский 1970: 205, № 268, тул.); «Сидит воробей на перегороде. Кричит воробей: «Улечу, улечу! Не к родному отцу — **к чужой матери!**» [*старым — улететь на тот свет, молодым — уехать*] (ЖС 1997/1: 43, № 16); «Увалилася сосна **на чужую сторону**» [*очень-очень далеко замуж идти*] (СМЭС 2003/1: 685); «Сидит воробушек на колодушке, смотреть воробушек **на чужу сторонущку**» [*идти на чужую сторону*] (ФКГ 1997: 32, № 20).

8. Двойственное толкование («к добру» — «не к добру») отмечается в смоленских песнях по отношению к образу «ц е р к в и»: стоящая на горе церковь и едущие к ней сани рассматриваются как прогноз смерти; однако включенное в текст уточнение «церква Благовещанья» меняет оценочный знак «минус» на противоположный. Ср. следующие примеры: «Стоит церковка да й на горочке, а кто йдеть туда — приклоняется» [*Эта песня к смерти. Уже загадано так, что человек умрёт*] (СМЭС 2003/1: 667); «Ой, вы саночки, малюваночки, вы катитесь к Божей церквочке. Ой лёли, лёли, к Божей церквочке» [*умрёшь нынешний год*] (там же: 660); «Стоит церквочка Благовещення, кто идеть коло яе — тот помолитца» [*хорошая*] (там же: 666); «Стоит церква Благовещанья. Кто ня йдеть, Богу молетца» [*хорошая*] (там же: 679).

9. В северонорусских подблюдных песнях так же противоречиво оценивается мотив «ш у р ш а щ и х в е н и к о в», который соотносится то с ритуалом предсвадебной бани невесты, то с похоронными обычаями: «**Веники** шуютя, мне жениться велят» [*к свадьбе*] (ВСП 2001: 27, № 84); «На подволочке **два веничка** шур-шуршат, пожениться хотят» [*к свадьбе*] (там же: 35, № 200); «На бане **веники** шуршат, невесту

выпарить хотя» [к свадьбе] (там же: 35, № 199); «Комар питит, пару **веников** тащит» [это бедность, ничего хорошего] (там же: 28, № 89); «Шашнули **венички** на грядочке» [раньше в гроб клали веники, ну, уш тут, в этой семье кто-нибудь умрёт] (ДКСБ 1997: 78).

В отличие от акционных форм гаданий, где в изобилии представлены и знаки — предвестия смерти, и знаки со значением ‘продление жизни на ближайший год’, — в фольклорных гадательных текстах практически отсутствуют мотивы, символизирующие ‘продление жизни’. Для участника подблюдных гаданий, желающего узнать, проживет ли он следующий год, позитивным прогнозом служила любая «хорошая» песня («к свадьбе», «к богатству», «к прибавлению в семье» и т. п.). Ср.: «На паперти два голубя, они венчаются, обручаются» [Хорошая: к свадьбе. Старому — проживет год] (ВСП 2001: 24, № 28).

Рассмотрим теперь наиболее распространенные мотивы и образы подблюдных песен, **символизирующие брак**. К ним относятся, в-первых, поэтические общефольклорные мотивы, устойчиво связанные с представлениями о женитьбе/замужестве:

1. Атрибутика венчания и свадьбы (образы жениха, невесты, венчальные предметы, мотив подготовки к свадьбе). Примеры: «А здравствуй, **жених**, со **невестой** лежишь» (ВС 1996: 28, № 102); «Сидит кошечка в лукошечке, она ширинки шьёт, за кота **замуж идет**» (Земцовский 1970: 177, № 204); «...Как у нашего хозяина да две радости: еще первая радость — **сына женил**, а другая-то радость — дочь **замуж отдал**...» (там же: 184, № 222); «Молодой кузнец, скуй мне **венец** — ехать **под венец**...» (там же: 187, № 228, смолен.).

2. Мотив «п а р н о с т и» представлен в двух вариантах: а) символика соединения мужского/женского и б) числовая символика «два», «пара». Ср. примеры первой из этих разновидностей: а) «Из одной деревни **сокол**, из другой-то **соколиха** солетались да целовались» (ВС 1996: 29, № 109); «За рекою — **хомут**, за другою — **дуга**, быть той дуге на том хомуте» (ВСП 2001: 30, № 121); «Ходит **котик** по лавочке, водит **кошку** за лапочку» (там же: 30, № 119); «Бежит **бобер** за **куницею**, бежит бобер да к себе манит...» (там же: 29, № 118); «**Курочка** ряба по проулочку брела, **кочет** слеп за ней вслед» (Земцовский 1970: 167, № 184, тул.); «Бежит **куна** вокруг гумна, ищет куна черна **соболя**» (там же: 166, № 182, псков.); «Скачет **грузочек** по ельничку, ищет грузочек **беляночку**...» (там же: 193, № 241, рязан.); и примеры, основанные на символике двоичного числа: б) «**Два** ячичка катаются, не разбиваются» (ВСП 2001: 26, № 58); «**Два** голубя слетались да целовались» (там же: 29, № 111); «Катился **клубок** из улицы, дру-

гой — из другия, сокатилися, сотростилися» (Земцовский 1970: 165, № 179, псков.); «Клубочек **синенький**, клубочек **красенький**. Вместе скатилися, не раскотются» (там же: 165, № 178, смолен.).

В качестве одной из разновидностей в многообразной символике «парности» выступает мотив «собирать рассыпанное вместе с милым». Ср. следующие примеры: «Рассыплю я монисто по закрому. С кем монисто собирать будет? Собирать монисто с **милым дружком**» (Земцовский 1970: 190, № 235, тул.); «Рассыпались игопочки по закрому. **Кому** эти игопочки **собирать** будет?» (там же: 190, № 236).

3. «Встреча гостей, подготовка к пиру»: «Твори, мати, квашонку, пеки пироги: к тебе, мати, **гости** — ко мне **женихи**» (ВСП 2001: 23, № 12); «Пиво варить, вино курить, хлебы печь, **гостей стеречь**» (там же: 26, № 56); «Штоф на стол — красну девку **за стол**» (там же: 26, № 64); «Самовар кипит, он **гостей** манит, гости пришли, **сватовой** привели» (там же: 32, № 147); «Слеталися галки к нам во двор, садилися **гости** к нам за стол» (там же: 35, № 197).

4. «Подготовка приданого»: «Хватит шить на батюшку, пора **шить на ладушку**» (ДКСБ 1997: 80); «Брякнула иголка во ящичек — полно шить на батюшку, полно шить на матушку, пора **шить на младу милую!**» (Земцовский 1970: 191, № 237, новгород.); «Полно те, иголочка, в коробочке лежать, пора тебе, иголочка, **дары припасать**» (там же: 191, № 238); «Неси, мать, холстинку, **крой мне косынку**» [*пожилым плохо, молодой — приданое готовь*] (ВС 1996: 24, № 46).

Во-вторых, к числу по преимуществу «свадебных» относятся некие менее однозначно трактуемые песенные мотивы (выступающие то со знаком «плюс», то со знаком «минус»):

5. Кот кошурку звал спать в печурку». Казалось бы, здесь очевидна символика парности и ожидалась бы единственно возможная позитивная оценка мотива, однако значительная группа таких песен соотносится с плохим прогнозом. Ср. примеры, **предсказывающие брак**: «Кот кошурку звал спать у печурку: „У печурке спать тепло, хорошо“» (Земцовский 1970: 175, № 200, тул.); «Уж как кличет кот кошурку в печурку спать: Ты поди, моя кошурка в печурку спать! У меня у кота есть скляница вина, есть скляница вина и конец пирога...» (там же: 176, № 203); «Зовет кошур кошурку в печурку спать, там кусок пирога да бутылка вина» (ДКСБ 1997: 79); «Брысь, кисурка, к коту в конурку. Есть в конурке ставец молока и кусок пирога» (ВСП 2001: 29, № 112); и примеры аналогичных песен с **негативным прогнозом** (который, по-видимому, связан с отрицательным толкованием образов «сна» и «локализации в печи, в конуре»): «Брысь, кисурка, в конурку

спать, там мягко спать да хорошо лежать» [*молодому — жить хорошо, а старому — не очень*] (ВСП 2001: 26, № 67); «Брысь, кисурка, в конурку — спать хорошо, полежать тепло» [*перед долгим девичеством*] (там же: 28, № 96); «Брысь, кошка, у печурку спать...» [*к смерти*] (ФКГ 1997: 29, № 6); «Пойдём, кисурка, спать в печурку» [*к замужеству на чужбине*] (там же: 30, № 9).

6. Весьма популярны для песен со «свадебным» прогнозом мотивы (широко известные также в цикле песен, предвещающих смерть) с общим значением: перемещение в пространстве. Например: а) «вить гнездо вдали от дома» — «Ласточка, касаточка! Не вей гнезда **во высоком терему**, ведь **не жить тебе здесь** и не лётывати» [*к свадьбе*] (Земцовский 1970: 178, № 208); «Пташечка да касаточка! Не вей гнезда против горницы: тебе лета здесь не летовать! Тебе зиму здесь не зимовать. Тебе быть, пташечка, **на чужой стороне**» [*к свадьбе*] (там же: 179 № 209, твер.); б) «птица глядит (летит) в чужую сторону»: «Сидит воробей на перёгороде. Гледит воробей **на чужу сторону**» [*это уйдёт девка замуж*] (ДКСБ 1997: 81); «Сидит воробей на перегороде, как глянет воробей на **чужу сторону**. Куда погляжу, туда полечу» [*к замужеству*] (Земцовский 1970: 178, № 207); «Сидел качяток ны приграде. Куда глядел, туда пылител» [*к замужеству*] (ШЭС 2001: 132); в) «отъезд из дома»: «**Саночки-самокаточки**, куда катитесь? Вы укатитесь, не воротитесь» [*к свадьбе*] (Земцовский 1970: 181, № 213, костром.); «Уж вы **саньчки-малюваньчки**, только сесть на их да й поехати» [*это жаниться*] (СМЭС 2003/1: 637); «За воротами **кони** заворочены стоят, куда поглядят — туда и побегат» [*хорошая: вроде, за невестой как поедет*] (ВС 1996: 27, № 92); г) «перескочить через порог»: «Ой, и с полки пирог да и шмыг за порог» [*к свадьбе*] (СМЭС 2003/1: 665).

7. В зависимости от сюжетной ситуации: «брошенный предмет попадает в хороший или плохой локус», песня трактуется как предвестие либо брака, либо безбрачия: «Брошу я подушечку через ворота <...>, упала подушечка **в зелен сад**, в зелен сад да с милым спать» [*это уж хорошая: нынче я выйду замуж*] (ВС 1996: 28, № 103); «Бросила подушечку **в зелен сад** — упала подушечка возле молодца» [*свадьба будет*] (ВСП 2001: 31, № 142); «Бросила подушечку через ворота, думала, подушечка в грязь упадёт. Упала подушечка **милому в сад...**» [*хорошая*] (там же: 34, № 182); «Бросила подушечку в зелен сад; думала, подушечка в сад упадёт. Упала подушечка **в самую грязь...**» [*Плохая. Мечтала замуж, а он пожил, пожил и бросил. Жись не клеится*] (там же: 26, № 60); «Бросали подушки через ворота. Пади, моя подушечка, **не на землю**, пади, моя подушечка, **в саночки...**» [*к свадьбе*] (Земцовский 1970: 195, № 244, з.-сибир.).

При несомненно преобладающей тенденции негативно оценивать — как в подблюдных песнях, так и в снотолкованиях — образ «белого полотна» (и всех тканых изделий), в некоторых песенных вариантах он наделяется семантикой ‘подготовка приданого’ и, соответственно, приобретает свадебную символику. Ср.: «Мяла лён и трепала лён, **наткала полотна** — стала горенка полна» [*Хорошая. Она, вишь, богатая невеста...*] (ВСП 2001: 32, № 160); «Тянут-потянут **бело полотно**, старому на гроб, молодому — на дом» [*Старый умрёт, а молодой женится*] (там же: 24, № 35).

В качестве последней из интересующих нас групп гадательных текстов рассмотрим песни, символизирующие **безбрачие** (неудачу в замужестве, вдовство, одиночество). Ключевыми в них являются выражения с весьма прозрачной символикой: «сидеть», «лежать», «еще посидеть», «ждать», «не дожидаться» и под. В отличие от первых двух групп (прогнозирующих смерть и свадьбу), здесь почти нет песен с мотивом ‘перемещения в пространстве’, либо изображается плывущая лодка, которая остается «на своей стороне». Ср. следующие примеры: «Я на пече сижу, заплатки плачу, **еще посижу**, еще поплачу» [*к девичеству*] (Земцовский 1970: 200, № 256, смолен.); «На лёжаночке лёжу, толокняночки бажу. **Я ишшо полёжу**, да ишшо побажу! [*Так эта худáа писня. Ну, ак всё ранше говорили, шо: „У-уй, девка, на лёжаночке лёжишь, дак худо!“*]» (ДКСБ 1997: 82); «За столами сижу, сарафаны крою. **Я ищо посижу**, я ищо покрою» [*эта не выйдет замуж*] (там же: 84); «На повете петух кукареку поет. Он **еще посидит** и еще попоет» [*бедность, вдовство*] (Земцовский 1970: 210, № 284, псков.); «Сидела я у окошечка, **ждала** себе милого. **Не могла дожидатися**. Спать ложилася...» [*бедность, вдовство*] (там же: 211, № 286, з.-сибир.). Затяжной период девичества предвещает песня с мотивом «сидеть, вязать длинные нитки»: «На загнеточке **сижу, долги нитки вяжу**, еще посижу и еще повяжу» [*долгое девичество*] (ВСП 2001: 29, № 113); а пожизненное безбрачие соотносится с образом «завалившейся под лавку щетки»: «Щёточка-завалышечка **под лавичью** валялась» [*вечное девичество*] (Земцовский 1970: 198, № 251, курск.). Неизменность статуса незамужней на ближайший год означают песенные формулы: «одной год годовать», «одной горе горевать».

Дополнительным маркером, позволяющим распознать негативный смысл песенного образа, выступает в этой группе текстов (со значением «засидеться в девках») локативные характеристики, ср.: [персонаж сидит] за бочкой, на бочке, на печке или «в печурке», на лежанке, на повети, на загнетке, на плашке, на корыте, на лавочке, «на своих гóвнах»; [некий предмет] падает в грязь, под

лавку, валяется «под лавичью». Символом безбрачия являются также образы «заплесневелых блинов», лежащих «на повети», и «заиндевелой липы», растущей на «крутой горе»: «Стоит липа на крутой горы, ды макушки с корня ўся заинела» [ўдова такая, свянетъ и ўсѣ] (СМЭС 2003/1: 657); «На повети блины позаплесневели» [девушке — женихов не будет; вообще, скучная жизнь будет] (ВС 1996: 24, № 41).

* * *

Обращает на себя внимание тот факт, что образная система подблюдных песен в большой степени совпадает с ментальным миром снотолкований и в определенной мере сближается со знаковой системой гадательных ритуалов. Все три жанра демонстрируют разные способы символизации элементов окружающего мира и позволяют судить о том, что именно осмысляется в традиционной культуре как «хорошее», а что — как «плохое». Однако их специфика проявляется в том, что каждый из них оперирует разными знаковыми единицами: в снотолкованиях это образы сна, т. е. отражение в сознании спящего объективной и субъективной реальности человеческого бытия; в акциональных формах гаданий (если в них не задействован вербальный код) — это наблюдаемые участниками гаданий результаты специально организованных ритуалов, направленных на получение информации о будущем. Тогда как в фольклорных гадательных текстах основой для символизации и аксиологической интерпретации служат вербальные единицы, т. е. лексика и фразеология естественного языка, используемая для построения тех или иных поэтических образов и мотивов. Оценка прогностического знака в подблюдных песнях зависит, прежде всего, от семантики конкретного слова или словосочетания.

Например, благодаря устойчивому русскому выражению *сидеть в девках засидеться в девках* формируется негативный песенный образ «**сидеть — еще посидеть**», прогнозирующий безбрачие в русской фольклорной традиции. Песенный образ «**конь встал, дальше не везет**» способствует порождению прогноза: «не повезет в делах». Мотив «поездки в церковь» в смоленских подблюдных песнях обычно обозначает плохой прогноз, но включение в текст уточнения — «стоит церковь **Благовещенья**» — мгновенно меняет прогноз с отрицательного на положительный. По сообщению И.И. Земцовского, в одном из сел Костромской обл. песня с широко известным на Русском Севере мотивом «выгребла курочка **злат перстень**» (которая в этом регионе оценивается положительно и устойчиво трактуется как предвестие свадьбы) исполнялась местными жителями с искажением, то есть основная строфа пелась в виде: «выгребла курочка **зла** перстень».

И, соответственно, смена позитивного образа «злат/золотой» на негативный символ «зла» радикально сменила прогностическую символику — песня стала восприниматься как знак беды (Земцовский 1964: 291). При общей позитивной трактовке мотива «выпечка хлеба» включение в текст таких значимых, имеющих негативную коннотацию слов, как «сироточка» и «сидит на загнеточке», переводит эту подблюдную песню в разряд «смярётных», т. е. предсказывающих смерть (см.: Земцовский 1970: 220, № 311). Расшифровка песенного образа, таким образом, могла зависеть от одного-единственного слова либо от разного понимания его смысла. Выражение «наряженный» может пониматься и как «покойник», и как «жених в свадебном наряде»; ср.: приведенный выше текст «под окошком лежит сунаряженное» [к смерти] и костромскую песню: «Ходит щёголь по мосту. Заглянет в избу — нарядный лежит» [*старым — болеть или умрут, молодым — хорошо*] (ВС 1996: 24, № 29).

Еще более сложным оказывается механизм толковательных операций, когда речь идет о цельном художественном тексте, организованном по законам мифологического мышления и песенной фольклорной поэтики. Каждый его элемент мог играть решающую роль в аксиологической трактовке отдельного образа или целого мотива. Выше уже говорилось о вариантах трактовки песни с мотивом «богатые мужики гребут лопатами золото», который мог выступать в роли предвестия то смерти, то богатой жизни.

По признаку общей позитивной или негативной оценки прогностические знаки фольклорных текстов могут символически отождествляться, образуя, условно говоря, некие синонимические ряды. Так, независимо от предмета загадывания (о свадьбе, жизни, здоровье, урожае и т. п.), по преимуществу как предвестие «блага» осмысляются следующие (функционально однотипные) мотивы подблюдных песен: замешивание теста, выпечка хлебных изделий, прием гостей, веселый пир, удачная охота, витье гнезда, варение пива, гуляние в зеленом саду, подсчитывание снопов на жниве и т. п. Противоположный смысл приписывается группе мотивов: уехать далеко; уехать/не вернуться; заехать в тупик; упасть в овраг, в ухаб, в кювет, в грязь; плыть/никуда не приплыть; везти бревно/дерево; обуваться в лапти; завалиться под лавку; испорченная хлебная выпечка; стелить/вывешивать белое полотно; влетевшая в окно птица и ряд др. Выше были рассмотрены песенные образы, объединенные функцией предвещать смерть, брак или безбрачие. Тесные взаимосвязи между элементами семантических оппозиций *жизнь/смерть* и *брак/безбрачие* могут рассматриваться как мифологическая универсалия и обнаруживаются в самых разных жанрах традиционной культуры: в народных названиях агонии,

в похоронных плачах, гаданиях, снотолкованиях, песнях, поверьях и в других культурных текстах. А в качестве наиболее характерного поэтического образа, относящегося к этой универсалии (смерть как свадьба), выступает мотив «езды», «поездки вдаль, на чужую сторону», «готовности к отъезду», «переправы через реку» и под. Согласно белорусским верованиям, если больной говорил в бреду о дороге, лошадях, конной упряжи, то это воспринималось окружающими как предвестие смерти (Никифоровский 1897: 279). Метафора «отъезда из дома» выступает в подблюдных песнях то со знаком «плюс» (для неженатой молодежи), то со знаком «минус» (для женатых); а мотивы, обозначающие «сидение дома» (отсутствие движения), наоборот, символизируют негативный образ безбрачия (для девушек) и позитивный прогноз продления жизни (для пожилых). И такая перекодировка толковательных моделей по оценочному принципу *хорошо/плохо* постоянно происходит в жанре подблюдных песен, мотивы которых соотносятся с представлениями о смерти, браке и безбрачии.

Принятые сокращения

- Валенцова 1995 — *Валенцова М.М.* Материалы для картографирования типов полесских святочных гаданий // *Славянский и балканский фольклор: Этногенетическое изучение Полесья.* М., 1995. С. 209–222.
- Виноградова 1981 — *Виноградова Л.Н.* Девичьи гадания о замужестве в цикле славянской календарной обрядности // *Славянский и балканский фольклор: Обряд. Текст.* М., 1981. С. 13–43.
- ВС 1996 — *Ветлужская сторона. Фольклорный сборник.* Вып. 2. Кострома, 1996.
- ВСП 2001 — *Ветлужская сторона: Пышуганье.* Вып. 5. Традиционный фольклор Пышугского р-на Костромской обл. Пышуг, 2001.
- ДКСБ 1997 — *Морозов И.А., Слепцова И.С.* Гадания с подблюдными песнями // *Духовная культура Северного Белозерья: Этнодиалектный словарь.* М., 1997. С. 73–86.
- Елеонская 1994 — *Елеонская Е.Н.* Сказка, заговор и колдовство в России. Сборник трудов. М., 1994.
- ЖС 1997/1 — *Кулагина А.В., Ковтик В.А., Кирюшина Т.В.* Святочные игры, гадания и подблюдные песни Поветлужья // *Живая старина.* 1997. № 1. С. 42–44.
- Земцовский 1964 — *Земцовский И.И.* Песенный быт современной костромской деревни // *Русский фольклор: Проблемы современного творчества.* Т. 9. М.; Л., 1964. С. 287–293.